

БИНАРНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ ОБРАЗА ЮРИЯ ЖИВАГО В РОМАНЕ Б.Л. ПАСТЕРНАКА "ДОКТОР ЖИВАГО"

THE BINDING OF THE ARTISTIC CONTENT
OF THE IMAGE OF YURI ZHIVAGO
IN THE NOVEL OF B.L. PASTERNAK
"DOCTOR ZHIVAGO "

A. Chistohvalov

Annotation

In this article, we undertake the attempt to analyze the main character of the novel of Boris Pasternak "Doctor Zhivago" from the point of view of its binary image. As a criterion for evaluation, we introduce the category of "dynamic" and "static" properties. They will be formulated on the basis of the plot, reflex and collinear (matching characters works) of the principles of the novel. According to the results of artistic classification of the portrait of Yuri Zhivago, we can conclude about how the main character reflects the philosophical and aesthetic concept of the author.

Keywords: Yuri Zhivago, properties, parsnips, image, analysis, will, hero, binarity.

Чистохвалов Артем Сергеевич

Аспирант,

*Православный Свято-Тихоновский
государственный университет*

Аннотация

В данной статье предпринимается попытка проанализировать образ главного героя романа Б. Л. Пастернака "Доктор Живаго" с точки зрения заключенных в нем значимых семантических оппозиций, обуславливающих конечную бинарность этого образа. В качестве критерия для оценки вводится категория "динамичных" и "статичных" свойств, формулируемых исходя из сюжетных, рефлексорных и коллинеарных (сопоставление с персонажами произведения) принципов романа. По итогам художественной классификации портрета черт образа Юрия Живаго делается вывод о том, как главный герой отражает философско-эстетическую концепцию самого автора.

Ключевые слова:

Юрий Живаго, свойства, Пастернак, образ, анализ, воля, герой, бинарность.

Юрий Живаго – один из тех редких персонажей в литературе, чей художественный портрет с большими натяжками можно описать, "загнав в рамки" неких стандартных терминов, обрисовывающих свойства того или иного героя. Точнее так, термины описательного характера приписать главному герою романа можно, но следует исключить лексическую детерминированность данных понятий, учитывая, что в отношении этого персонажа, определение предстает в инвариантной форме, и природа этого приписываемого герою свойства по факту будет носить имплицативный характер.

Анализировать образ мы постараемся по нескольким критериям. В первую очередь разбор портрета Юрия Живаго нас будет интересовать с точки зрения эмпирических свойств героя. Благодаря этому мы сможем проанализировать их эквивалентность той философско-эстетической цели, которую ставил Пастернак. Важнейшим критерием данного исследования будет, во-первых, опора на авторскую оценку, во вторых, разбор ключевых действий персонажа, его рефлексии, самоанализа, и в третьих, анализ мыслей (высказанных или не высказанных открытым текстом) другими персонажами, а также, при наличии ярких контрастных черт – проведение параллельного анализа с другими ключевыми персонажа-

ми. По мере анализа мы постараемся синхронизировать черты главного героя романа, возведя их в категорию "динамичных" и "статичных", где "динамичные" будут отражать изменчивые свойства одних качеств, "статичные" же будут напротив, подчеркивать неизменчивые свойства тех же качеств.

По итогам данного исследования мы постараемся прийти к пониманию того, каким образом в одном лице, в одном герое Пастернаку удастся воплотить созвучие или вернее сказать – удастся достичь импликации статичных и динамичных черт, уживающихся и аккомпанирующих друг другу в одном лице. И уже опираясь на данную информацию, следует попытаться выяснить, какими с точки зрения Пастернака художественными свойствами должен обладать его персонаж, чтобы суметь продемонстрировать на практике заложенную в него автором философско-эстетическую программу.

Начнем с того, что фамилия "Живаго" для исследователей подобно компасу, она задает своего рода ориентир кораблям научных исканий. Многие исследователи "Доктора Живаго", анализировавшие тот или иной аспект творчества писателя, заостряли внимание на этой данности. Для нашего разбора это также не будет исключе-

нием. Как известно слово "живаго" является древней формой слово "живой", дважды упоминаемой в Евангелие. В Евангелие от Матфея "Ты – Христос, Сын Бога Живаго" (16 гл. 16), а также в Евангелие от Луки "И мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога Живаго". (69 ГЛ 6). Л. А. Колобаева понимала под символом "живаго" категорию жизни, раскрывающуюся в тройственном смысле: "Равенство Бога и жизни, Бога и личности, Бога и женщины" [3, с.2]. Такая троица образных смыслов – жизнь, личность и женщина, за которым находится всепроникающий четвертый – Бог, по сути, задает основные ценностные ориентиры главного героя.

Наделив своего героя таким именем, которое несёт за собой огромную семантическую нагрузку, Пастернак априори заложил высокий духовный гипостасис, олицетворяющий творческое бессмертие. Как мы уже упоминали в предыдущем параграфе, первоначально роман назывался "Смерти не будет". Однако стоит сразу обозначить факт того, что несмотря даже на очевидную отсылку к Евангелию, и, казалось бы, претензию на святость, Пастернак не пытался создать героя – праведника или даже условного "князя Мышкина" и в этом, пожалуй, первая встреча "двух движений" в одном герое, с которой сталкивается исследователь. Пастернак за счет образа Живаго апперципирует область высоких духовных вершин, заключенную в эссенции личности греховной.

Первый портрет сформировавшейся с эмпирической точки зрения личности Юрия нам дан в момент, когда герой намеревается поступать в университет. "В Юриной душе все было сдвинуто и перепутано, и все резко самобытно – взгляды, навыки и предрасположения. Он был бесприммерно впечатлителен, новизна его восприятий не поддавалась описанию" [4, с. 43]. Черты внутреннего мира героя передаются от лица автора. И основательное значение играет в них эмоция. Эмоция – изменчивая часть человеческой души, одна из составляющих чувственной природы живого существа. Эмоциональный мир Юрия Живаго движем, импульсивен – таким нам представляет его автор. А значит можно говорить об этом его аспекте художественного портрета, как об изменчивой, подвластной вариабельности, а, следовательно – динамической особенности.

В другом же эпизоде произведения, когда к Живаго приходит осознание душевного притяжения к Ларисе Антиповой и его начинают мучить угрызения совести, Пастернак, раскрывая читателю экстатичную палитру душевных терзаний героя, причем переданных с нарастающим динамизмом, выявляет совершенно иную сторону свойства данного персонажа. Интересно, что авторский анализ дан именно в момент inferнальности, психологического резонанса. "В жизни он не срывал "цветов удовольствия", не причислял себя к полубогам и сверхчеловекам, не требовал для себя особых льгот и преимуществ.

Он изнемогал под тяжестью нечистой совести" [4, с. 43] – это также эмоция, но в отличии от описанных нами динамических, эта имплицитная часть его душевного строения – статична, неизменчива. Пастернак, казалось бы, преподносит читателю героя, чья душевная структура ориентирована на поведение легкое, беззаботное. Однако при этом автор закладывает в Живаго потенциал для развития чувств–эмоций, которые не будут являться единичей переменчивой, а напротив – устойчивой, неизменной или как мы уже обозначили – статичной. К данной категории мы причислим любовь к Ларе, а также способность персонажа испытывать чувство вины.

В книге "Символ и сила. Гетевская мысль в "Докторе Живаго"" О. Седакова, проводит синхронный анализ между Пастернаковским Живаго и Фаустом Гете в контексте романа "Доктор Живаго". Ключевую разницу между ними исследователь видела в том, что Фаустовской воле противопоставлена "безвольность" Живаго, о которой говорят и участники сюжета, да и отчасти сам главный герой. "Фаустовское начало в этом смысле несут в себе все революционеры романа, от Глухонемого до Стрельникова" – оговаривает Седакова, продолжая – "и все они в своей волевой активной слепой деятельности – враги Доктора Живаго" [5, с.18].

Об отсутствии "воли" у Юрия Живаго говорит Колобаева: "Отсутствие у Юрия Живаго сильной воли не выглядит в авторском освещении недостатком, чем-то отрицательным и дано глазами любящей женщины, Лары, т.е. в позитивном восприятии" – хотя, как мы могли заметить, это подтверждается и другими обстоятельствами: – "за этим просматривается такая мысль писателя: сила ничего не решает, потому что "над сильным властвует подлый и слабый"" [3, с.9] – делает вывод Колобаева. Также не обходит данный вопрос Гаспаров, характеризую Живаго в качестве персонажа сознательно принимающего уготованный ему "распорядок действий, ведущий к снижению его внешнего облика и в конечном счете к гибели" [2].

Исследователи этой особенности в образе Живаго очень верно обозначили тенденцию его к несамостоятельности, к потребности опереться на волю более сильного в этом отношении персонажа, либо на волю проведения. И да, подобное свойство данного образа мы вправе отнести к явлению сопричастности потоку жизни (учитывая то, как Пастернак сам осмыслял философию жизни), непротивление, подобие ей. С другой же стороны, Пастернак, воспринимая жизнь как некую субстанцию, которую человек если и способен преобразовать, то только посредством искусства, не опровергает того, что в ней существуют свои, пусть не автоматизированные, не механические, но незыблемые закономерности: такие как смена дня и ночи или времена года. Из разобранного нами выше примера, в котором мы отмечали динамичные и статичные особенности одного и того же свойства героя,

мы уже не можем однозначно говорить о данном образе как о своего рода хамелеоне, способном, а главное желающего приспособляться к любым поворотам жизни, имеющего только динамичную природу одного свойства.

Отсюда характеристика Юрия Живаго как "безвольного" персонажа, пусть и в позитивном ключе, является верным лишь отчасти. Да, можно привести множество эпизодов, когда герой просто следовал судьбе, под влиянием кого-то или чего-то, не оспаривая их решения, касающиеся и его судьбы, таких случаев предостаточно, и они являются неотъемлемой динамичной природой одного из свойств данного образа, не противоречащие теории Пастернака. Но при этом в тексте присутствует ряд событий, которые, так или иначе, опровергают довод об отсутствии статичной стороны "воли" в персонаже, и на этом мы остановимся немного подробнее. Один из них, особенно очевидный – это побег Юрия Живаго из лагеря.

К подобному действию Живаго готовился сознательно, заблаговременно. "Лыжи, мешок с сухарями и все нужное для побега было давно запасено у него. Он зарыл эти вещи в снег за сторожевою чертою лагеря, под большою пихтою, которую для верности еще отметил особою зарубкою. Туда, по проторенной среди сугробов пешеходной стезеке он и направился" [4, с. 217]. План побега не был событием стихийным для героя, он планировался изначально, сознательно. Конечно же, здесь Пастернак остался верен себе, несмотря на весь выстроенный план Живаго, поэт отдал высокую роль случайности, сыгравшую свою важную роль. Но при этом – случайность (отчасти синоним жизни) был не единственным детерминирующим фактором в этом событии, известная доля сознательного замысла, образовавшего дуализм "случайности" и "закономерности" здесь не менее важен.

В другом эпизоде романа, когда Комаровский приезжает к героям, предлагая Ларе уехать с ним (хотя формально предложение было адресовано обоим), Живаго принимает непростое и по-настоящему волевое решение – отпустить Антипову с Комаровским, так как возможно это могло бы спасти ей жизнь. В этимологическом слове слово "воля" или "волевое действие" противостоит власти непосредственно испытываемых потребностей, импульсивных желаний. "Для волевого акта характерно не переживание "я хочу", а переживание "надо", "я должен", осознание ценностной характеристики цели действия. Волевое поведение включает принятие решения, часто сопровождающееся борьбой мотивов (акт выбора), и его реализацию" [6].

В данной ситуации поступок Живаго можно классифицировать в качестве "волевого", так как решение отпустить Лару было именно его решением, оно шло вразрез с потребностью остаться с той, ради которой он бежал из плена (по крайней мере, это был один из самых

важных мотивов, который герой сам проговаривает перед побегом).

В этой же части произведения Комаровский сказал о Живаго: "Я знаю, Вы слов на ветер не бросаете и отказа поехать с нами не отмените. Вы человек твердых решений, я знаю" [4, с. 261]. С одной стороны Комаровский – герой антагонист, "злой гений", персонаж, к которому испытывают антипатию не только Лара и Юра, но и сам автор, чего не скрывает.

Комаровский как персонаж имеет свои сильные и даже положительные стороны (это искреннее чувство к Ларе в чуть ли не единственном эпизоде самораскрытия внутреннего мира Комаровского, в котором герой обличает свою душу, ее способность к тоске, а отчасти и к искренней привязанности). Заговорили мы о Комаровском в таком контексте с той целью, чтобы показать – этот герой, пусть в большей части являет собой безапелляционный цинизм, в редких (но, однако присутствующих) случаях предстает персонажем, во внутреннем мире которого живет, если не светлая сторона, то по крайней мере человеческая. А значит, мы можем допустить, что высказанные данным лицом слова, его поведение не основывается на единственной цели нанести вред своему сопернику. Следовательно, мы признаем, что слова такого персонажа как Комаровский "рационального", "практичного" в адрес Живаго являются подлинными. В общем-то, характеристика данная Комаровским подтверждается на практике даже в том отношении, что Юрий Живаго остался на родине. "Взрослый мужчина должен стиснув зубы, разделять судьбу родного края" [4, с. 101] – произносит главный герой, что тоже является решением принципиальным и волевым. "Изображение действительности сквозь призму сознания внутренне цельной, не отчужденной от самой себя личности и, таким образом, преодоления распада и хаоса составляет суть лирической концепции мира и человека, положенной в основу романа" [1] – таковы наблюдения исследователя Е. М. Бондарчука, которые также указывают на наличие воли у героя (как мы уже выяснили, по ключевым для Живаго вопросам).

Конечно же, Пастернак приоткрывает дверь в мир Юрия Живаго и посредством рефлексии: "О как хочется иногда из бездарно-возвышенного, беспросветного человеческого словоговора в кажущееся безмолвие природы – говорит герой: – в каторжное беззвучие долгого, упорного труда, в бессловесность крепкого сна, истинной музыки и немеющего от полноты души тихого сердечного прикосновения!" [4, с. 84]. Важно добавить, что по мере продвижения романа именно Юрий Живаго становится ведущим субъектом сознания. Центр повествования дается целиком через призму внутреннего мира лирического героя, хотя до этого авторские мысли выражались и другими персонажами. (Вспомнить хотя бы, опять же, первые главы романа, где аналогичные автор-

ским–Живаговским мыслям исходят со стороны Веденяпина). Даже в выше приведенном признании героя мы не можем не отметить синкретичную природу его характера, в которой "тяжкий труд" и "крепкий сон" гомологизируются в единстве представления автора о гармонии философии жизни.

Пастернак создал не просто тип с набором четких, неизменных характеристик классического персонажа. Поэт вложил в своего героя многоуровневую эстетическую установку на восприятия не только событий или других персонажей, а самой жизни, в которой заложен двойственный критерий одного и того же свойства – динамический и статический. Живаго воспринимает жизнь в качестве явления динамического, изменчивого, фаталистического, внутренне подстраиваясь под ее инверсию, но при этом в жизни, как и в герое – выражающим жизнь, происходит взаимодействие с процессами статическими, повторяющимися и неизменными. В связи с этим автор не мог, да и не считал нужным закладывать в Живаго

стремление быть двигателем истории, вершителем больших событий, подобно Стрельникову, что коренным образом и отличает их в идейном плане.

Образ Живаго – это удивительный дихроизм статики и динамики, отсюда и сложность классификации его художественного портрета. Сложность эта проявляется не только при анализе Живаго как личности, но и при анализе его философской концепции. Герой следует судьбе, сосуществует вблизи природы, стихии, будь то ненастная вьюга или революционное пламя, не пытаясь подчинить события, так как это не входит в рамки его цельного философско–эстетического осмысления действительности. Не случайно Пастернак писал: "За что б ты ни взялся, всюду в твою волю художника вмешается твоя судьба" [4, с. 178]. По сути, поэт создал именно такого героя, который способен служить духовной идеи, близкой автору, и не просто служить, а в конечном итоге достигнуть главного в этом замысле – преобразить жизнь во всех ее проявлениях искусством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарчук Е. М. Автор и герой в романе Бориса Пастернака "Доктор Живаго": Своеобразии субъектных и внесубъектных форм выражения авторского сознания Пастернака: Автореф. дисс.канд. филол. наук: 10.01.01 / Самара 1999.
2. Гаспаров, Б.М. Временной контрапункт как формообразующий принцип построения романа Пастернака "Доктор Живаго" / Б.М. Гаспаров // Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX в.– М., 1993.
3. Колобаева Л.А. "Живая жизнь" в образной структуре романа "Доктор Живаго" Б.Пастернака 2008.
4. Пастернак Б. Л. Полн. собр. Соч. Москва. 2003–2005. Т. 9.
5. Седакова О. Символ и сила. Гетевская мысль в "Докторе Живаго". ЖЗ. Континент 2009, 139.
6. Большой Энциклопедический Словарь URL: <https://www.vedu.ru/bigencdic/12050/> (дата обращения 10.12.2017)

© А.С. Чистохвалов, (artemon_93.93@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

*Православный
Свято-Тихоновский государственный
университет*

